2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. / Отв. ред. В.П. Филин. – М., 1975. – 288 с.
3. Берлин Б., Кей П. Основные цвета. // Их универсальность и видоизменения. 1969.
4. Бедойдзе Л.Г. Фразеологические единицы с компонентом цвета в немецком, русском и осетинском / Василевич А.П. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте на материале цветообозначений в языках разных систем / Отв. ред. В.Н. Телия. Василевич А.П. – М.Наука. 1987. – 243 с.
5. Брагина А.А. «Цветовые» определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография / Сборник статей под ред. С.Г. Бархударова и др. – М., 1972. – С. 73–104.
6. Иваровская В.И. Лексическое значение цветowych прилагательных в синтагматико-парадигматическом и словообразовательном аспектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1998. – Вып. 2. – С. 104–109.
7. Кайбияйнен А.А. Устойчивые атрибутивно-субстантивные сочетания с прилагательными цвета в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. –19 с.
8. Краснянский В.В. Сложные цветообозначения русской речи // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. –М., 2001. – С. 119–130.
9. Маджаева С.И. Актуальные проблемы современного терминоведения / Вестник Калмыцкого университета. 2017. – С.83–91
10. Москович В.А. 1969. Система цветообозначений в английском языке. В кн.: Вопр. языкознания. 6: 83–87.
11. Фрумкина Р.М. Психолингвистические аспекты изучения цвета. / Фрумкина Р.М.– Москва, Наука, 1984. – С. 232.
12. Мультиановский М. П., Иванова А. 1958. Англо-русский медицинский словарь. М., 635

Батова О.С.

Тема детства в рассказе Л. Пантелеева «Портрет»

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-214

idsp: ljjournal-10-2019-214

Аннотация

В статье рассматривается тема детства в рассказе Л. Пантелеева «Портрет» в свете фольклорно-мифологической традиции.

Ключевые слова: детство, пространство, мифопоэтика, фольклор, архетип

Abstract

The article deals with the theme of childhood in L. Panteleev's story "Portrait" in the light of folklore and mythological tradition.

Keywords: childhood, space, poetics, folklore, archetype

Активное изучение мифологического пратекста русской литературы началось, как замечает Э.Ф. Шафранская, еще в 80-е годы XX в. Это красноречиво говорит о том, что «словесное творчество мифологично изначально, даже без осознанно постулированного писателем обращения к мифу или фольклору» [8, с. 4]. Целый ряд исследователей (А.Ю. Исаковская Х.М. Квак и др.) отмечает воплощение в произведениях отечественной и зарубежной литературы архетипической схемы волшебной сказки на уровне сюжета, образов и мотивов [1, 2].

Подобную реализацию схемы волшебной сказки мы встречаем и в рассказе Л. Пантелеева «Портрет». Следует подчеркнуть, рассматривая это произведение, советские литературоведы и критики в соответствии с общепринятой идеологической установкой уделяли внимание тематике и проблематике рассказа, делая акцент на его воспитательном воздействии, однако не изучали вопросы поэтики или освещали их односторонне. Поэтому анализ мифопоэтической составляющей рассказа писателя

«Портрет» позволит наиболее полно оценить идейно-художественное своеобразие произведения.

Архетипическая схема волшебной сказки реализуется в развитии сюжета. Коська, главный герой рассказа, теряет родителей и остается сиротой. Эта потеря, голод и одиночество заставляют мальчика задуматься о возможных способах разрешения своего сложного положения – так в произведении Пантелеева появляется мотив отправления в путь. Поначалу Коська идет в Слободу, так как несколько дней уже ничего не ел и терпел, «а на третий день не выдержал. Все утро шатался по Слободе, у каждого окошка стучал, скулил: – Тетенька... миленькая... подайте кусочек!» [6, с. 396], а затем направляется на вокзал и там крадет корзину.

Далее Коська, как и сказочные персонажи, покидает «свое» пространство и попадает в «чужое». Во время продажи портрета, который нашелся в украденной корзине, мальчик знакомится с Бородой, а затем уходит с улицы и приходит жить в его дом. Следует подчеркнуть, что оппозиция «дом–улица» даны в рассказе, действие которого происходит в эпоху войн и разрухи, с нарушением традиционного толкования этих понятий. Для Петьки-сироты «родной очаг, традиционно воспринимаемый ребенком как символ духовного благополучия и телесного комфорта, утрачивает свою сакральную функцию и перемещается в область профанного, поскольку исчезает главная функция дома как «своего» пространства – защитная» [7, с. 145].

Оценочно-эмоциональные сентенции автора позволяют читателю понять то, что поначалу Коська чувствует себя неловко в доме дяди Кости: «Не выдержал Коська, с подоконника на пол скатился и заревел благим матом. Думал – бить его сейчас бородатый будет. *Съежился* весь» (курсив мой – О.Б.) [6, с. 405]; «Ест, торопится, а сам думает: «Нехорошо, надо бы потише есть». *Стыдно* (курсив мой – О.Б.) ему – по-человечески есть разучился...» [Там же, с. 406] и не доверяет ему: «Ты посиди минутку, ладно? А я пойду смастерю чего-нибудь. «Знаю, – думает Коська, – чего ты смастеришь. Лягавить пошел» [Там же, с. 405]. Однако затем, замечая, что Борода с радостью открывает для него свое доброе сердце, принимает в свой дом и семью и доверяет ему (хотя сам имеет тяжелое прошлое – в царское время он прошел каторгу): «Костя! Ключ на том месте, где ты вчера выйти хотел. Заходи, пей чай, шамай. Сахар на полочке. Наколи дров, если умеешь» [Там же, с. 408], мальчик начинает ощущать себя как дома. Свидетельством тому служит желание Коськи сделать дом чище и уютнее.

Концепцию дома выражает и находящаяся в избе Бороды печь (которую, как подчеркивает автор, Коська торопится истопить к празднику), являющаяся, как известно, материнским символом, воплощающим женское начало и силу. Печь занимает важное место в русской избе (она кормит и греет, олицетворяя домашний уют) и в этом значении сопоставима со столом и едой. «Совместные трапезы» [5, с. 38], как пишет М.В. Осорина, являются «очень важным событием» «для понимания ребенком социального пространства семьи» [Там же]. Заметим, что совместный прием пищи очень объединяет Бороду и Коську, давая им возможность поближе познакомиться – герои рассказывают друг другу о своей непростой судьбе (Борода – о каторге в Сибири, Коська – о потере родных); почувствовать духовное родство, а также тепло и гармонию родного очага: «Ты, ешь, брат, ешь. А Коська разошелся. Дядей Костей стал бородатого называть» [6, с. 407], «Не стесняйся. Живи, пожалуйста, пока живется. Ты мне этим одно удовольствие доставишь» [Там же, с. 410]; довериться друг другу: «Как же это? – думает. – Что же это такое? Не боится, значит? Знает ведь, что вор я, а не побоялся... Заходи, – пишет» [Там же, с. 408]. Запах от приготовленной Бородой яичницы с помидорами, луком и салом возвращает ребенка в прошлое и дает ему возможность снова почувствовать себя как дома: «Коська такую яичницу только дома, в деревне, едал, когда маленький был. С тех пор и не пробовал» [Там же, с. 406].

Как и сказочных героев, далее Коську ожидают разнообразные испытания. Достаточно вспомнить, как дядя Костя, оставляя ключи в том месте, о котором знает мальчик, будто проверяет, действительно ли он ничего не сворует в его доме, но, интересно заметить, в то же время верит, как окажется впоследствии, что сложное и тяжелое время не вытеснило из души ребенка совесть и честь.

Соответствие рассказа Л. Пантелеева архетипической схеме волшебной сказки наблюдается также и на уровне системы образов. Находясь в сложной жизненной ситуации, Коська часто не действует один, он обретает «волшебных помощников». Дядя Костя явно исполняет эту роль: сначала предлагает мальчику прийти в его дом, затем устраивает его на работу, находит интересные книги для чтения, принимает его в свою семью. Портрет же выступает в роли волшебного предмета, помогающего маленькому персонажу волшебным образом встретиться с Бородой и Наташей, изображенной на портрете, что затем приведет его к жизни, полной настоящими ценностями.

А сам герой-ребенок напоминает читателю архетипический образ «мудрого ребенка». Коська с легкостью управляет со сложными взрослыми бытовыми делами в доме Бороды. Достаточно вспомнить, как он «дрова переколол все, какие были, и двор подмел, и все щепочки до одной в кухню перетаскал. Потом стал ходить и думать: «Что бы еще сделать?» Видит – портрет на подоконнике лежит. Надо повесить. Нашел гвоздик и приколотил портрет над дяди Костиной койкой. Потом воду переменял в баночках, где цветы стояли. Пол в комнате чисто подмел» [6, с. 408-409]; принимал участие в приготовлении обеда; вставлял стекла. В финале же рассказа Коська принимает мудрое решение – на вопрос Наташи, возьмет ли он ее в сестры отвечает: «Я-то, – говорит, – возьму. Пожалуйста. А ты меня в братья возьмешь?» [Там же, с. 416].

Тем самым, ребенок с честью выдерживает испытание. Оказавшись в доме Бороды и обретя там родной очаг, он отходит от воровского мира: «Совсем не узнать стало Коську. Приоделся. К сапогам стал привыкать, мылся каждый день, волосы под полку подстриг» [6, с. 411]. Примечательно, что «свое» пространство, дом, уступая место улице, оказывается неродным, но впоследствии «чужое» пространство – дом Бороды, наоборот становится «своим» пространством и теплым очагом.

Счастливый финал подтверждает веру Бороды и Л. Пантелеева в то, что добро всегда побеждает и даже войны не могут помешать этому. Этот факт соответствует и особенностям детского восприятия: победа добра над злом «способствует удовлетворению чувства справедливости, так необходимого ребенку» [4, с. 303].

Однако рассказ Л. Пантелеева «Портрет» не во всем следует фольклорным сказочным канонам. Так, например, нарушается закон «сказано – сделано» [3, с. 74], обозначающий «единство слова и события» [Там же, с. 83], что объясняется особенностями реалистической поэтики, «основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности речей, поступков, характеров и обстоятельств» [Там же, с. 115]. В данном произведении отсутствует «сделано»: «реалистическому искусству присущ совершенно иной подход к русской сказке. Современное звучание «пересказа» достигается не вопреки законам сказочного повествования, а благодаря их творческому использованию» [Там же, с. 91]. Украд корзинку, Коська мечтает о собственном благополучии, но, пережив эволюцию, он отказывается от прежних грез и теперь уже не является отрицательным персонажем. Если в начале повествования герой чувствует радостно от кражи, то теперь, как подчеркивает автор, он испытывает чувство стыда за совершенной поступок (на это указывает сбивчивая речь Коськи) и просит прощения у Наташи.

Таким образом, в рассказе Л. Пантелеева «Портрет» на уровне композиционных элементов, мотивов и образов реализуется основная архетипическая схема волшебной сказки. Нарушение законов фольклорной сказки (отсутствует «сделано», есть эволюция

героя) объясняется тяготением писателя, да и детской литературы XX столетия в целом, к реалистической поэтике и психологизму. Творчески используя сказочное повествование, писатель создает образ «мудрого ребенка», который становится на сторону добра, несмотря на невзгоды и испытания.

1. Исаковская, А. Ю. Детская сказка в русской советской литературе: рецепция мировых сюжетов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Исаковская Алла Юрьевна. – М., 2012. – 246 с.
2. Квак, Х. М. Время, пространство и герой в сказках К. И. Чуковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Квак Хэ Ми. – М., 2012. – 153 с.
3. Медриш, Д. Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики / Д. Н. Медриш; под ред. проф. Б. Ф. Егорова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. университета, 1980. – 296 с.
4. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник / Л. Ф. Обухова. – 4-е изд. – М.: Пед. о-во России, 2004. – 442 с.
5. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М. В. Осорина. – СПб., 2000. – 288 с.
6. Пантелеев, Л. И. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Ленка Пантелеев. Первые рассказы / Л. И. Пантелеев. – Л.: Дет. лит., 1970. – 478 с.: ил.
7. Савина, Л. Н. Топос детства в рассказе Б. П. Екимова «Фетисыч» / Л. Н. Савина // Известия ВГПУ. – 2017. – № 6 (119). – С. 145–148.
8. Шафранская, Э.Ф. Мифопоэтика иноэтнокультурного текста в русской прозе XX-XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Шафранская Элеонора Фёдоровна. – Волгоград, 2008. – 40 с.

Белова Н.А., Захарова В.С.

Twitch.tv: к вопросу о развитии молодежного сленга

*Оренбургский государственный университет
(Россия, Оренбург)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-215

idsp: ljjournal-10-2019-215

Аннотация

Статья посвящена вопросам развития молодежного сленга в России на основе увлечений современного поколения. В работе рассмотрены причины использования и источники возникновения данной лексики в языке. Обозначены термины «сленг» и «молодежный сленг». Отмечена тенденция заимствования слов из английского языка. Особое внимание уделяется конкретным выражениям, которые пришли в речь молодежи из видеохостинговой платформы «Twitch.tv». В статье описаны история возникновения и основное направление работы стриминговой площадки. Определены причины, которые мотивируют молодежь использовать особую лексику в своей речи.

Ключевые слова: сленг, молодежный сленг, аббревиатура, видеохостинговая платформа, англоязычные заимствования, стриминговая площадка «Twitch.tv»

Abstract

The article is devoted to the development of «youth slang» in Russia based on the hobbies of the modern generation. The paper considers the reasons for the use and sources of «teen slang» in the language. The terms “slang” and “youth slang” are defined. The linguists are interested in the sources, historical causes and conditions of borrowings. Particular attention is paid to specific expressions that came to the attention of young people from the Twitch.tv video hosting platform. The article describes the history of the occurrence and the main direction of the streaming platform. The reasons that motivate young people to use slang in their speech are identified.

Key words: slang, youth slang, abbreviation, video hosting platform, borrowings, Twitch.tv streaming platform